

Вырезка из газеты

ПРАВДА

18 9 СЕН 1966

г. Москва

Газета №

ГАСТРОЛИ
ЗАРУБЕЖНЫХ
АРТИСТОВ

НА СЦЕНЕ— АННА МАНЬЯНИ

«Волчица» — второй спектакль пыльных гостей Москвы, прибывших в столицу из Рима, дал возможность нашему зрителю увидеть на сцене одну из самых выдающихся современных итальянских артисток — Анну Маньяни. Подчеркиваем, на сцене, потому что знали ее до этого лишь как исполнительницу многих ролей в фильмах итальянского «исореализма».

Кстати сказать, эти фильмы вспоминаются, когда смотришь «Волчицу», не только благодаря участию в спектакле Анны Маньяни. Между «исореализмом» и «веризмом», чьим виднейшим представителем был автор «Волчицы» Джованни Верга, связь прямая и очевидная.

Франко Дзеффирелли — и постановщик, и художник спектакля. Это он создал достовернейшие декорации, которые кажутся прямо перенесенными на сцену из жизни. В первом действии — это сицилийский пейзаж, а во втором — дворик крестьянского дома во всей его подлинности, во всем обилии мелочей, воссоздающих картину скудного и нелегкого быта. Когда следишь за драматическими поворотами судеб главных героев — сгорающей в пламени своей иссушающей страсти Пины (Анна Маньяни), покорной своей горькой судьбе и одновременно не желающей с ней мириться ее дочери Мары (Анна Мария Гуарниери) и мучающегося, как в западне, между двумя женщинами Пиппи

(Освальдо Руджери), то невольно вспоминаешь Немировича-Данченко. Он однажды заметил, что без быта не может быть в театре и настоящей поэзии, которая растет из самых глубин жизни.

Маньяни — и в этом сила созданного ею образа главной героини — менее всего заботится о том, чтобы покорить зрителя своим обаянием. У талантливой артистки все по-другому. И связано это с самой природой образа, так точно и пропятиательно постигнутого ею. Она не «чарует» зрителя и не выманивает сочувствия к своей героине, так же как сама Пина не пытается разжалобить ни Нанни, ни тем более кого-либо другого из окружающих. Не пассивно-страдательное начало живет в Пине и заставляет неотрывно следить за ее горестной судьбой, а, напротив, властная и непобедимая сила страсти, иступленная жажда во что бы то ни стало добиться цели.

Победа Маньяни в том, что в ее «волчице» мы видим человека, не только страдающего, но, что не менее важно, человека прекрасного самой силой своего чувства, своей душевной энергии, своих возможностей. Пина борется за счастье, за то единственное, что, как ей кажется, может дать, пусть даже мимолетное, ощущение радости и свободы.

И потому неожиданно, но вполне закономерно оказываются оправданными в спектакле и все детали быта, любовно и тщательно развернутые перед зрителем. Дело здесь в том контрасте, который возникает между убожеством быта и размахом, накалом человеческих чувств.

Действие кончается трагически, можно сказать, безысходно: последнее, что остается в памяти, — черная, траурная фигура Пины и занесенный над нею топор в руке Нанни. Здесь звучит та самая горько-безнадежная нота, которая роднит пьесу Джованни Верга с неореалистическими фильмами. Но, как ни пронзительна эта нота, она все же не снимает главного ощущения — силы народного характера.

Болеслав РОСТОЦКИЙ.

Фото А. Канашевича.

